

ЗАМУЖ ЗА ГЕРМАНИЮ

Мифы Золотого Запада

Мария Устим

Мария Устим

**Замуж за Германию.
Мифы Золотого Запада**

«Издательские решения»

Устим М.

Замуж за Германию. Мифы Золотого Запада / М. Устим —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857815-1

Перед вами книга о sandwich-generation — поколении, чьи юность и становление личности пришлось на девяностые годы прошлого века. Волею судьбы это поколение оказалось между двух эпох — уходящей советской и новой, непонятной и во многом враждебной. Особенно тяжело в то время пришлось женщинам. Многие, очень многие из них, не выдержав жизни на развалинах Союза, искали тогда счастья на золотом западе. Все по-разному, но с одинаковой надеждой на лучшую, достойную жизнь...

ISBN 978-5-44-857815-1

© Устим М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Замуж за Германию Мифы Золотого Запада

Мария Устим

*Эта книга посвящается всем
женщинам России, ближнего и дальнего зарубежья, разделившим
судьбу Анны.*

Редактор Наталья Ирина

© Мария Устим, 2018

ISBN 978-5-4485-7815-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Дорогой читатель!

Перед вами книга о sandwich-generation – поколении, чьи юность и становление личности пришлось на девяностые годы прошлого века. Волею судьбы это поколение оказалось между двух эпох – уходящей советской и новой, непонятной и во многом враждебной.

Особенно тяжело в то время пришлось женщинам. Многие, очень многие из них, не выдержав жизни на развалинах Союза, искали тогда счастья на золотом Западе. Все по-разному, но с одинаковой надеждой на лучшую, достойную жизнь. О подлинной цене их иллюзий эта книга.

Весь материал, вошедший в издание, документален, биографичен. Его составили подлинные встречи автора с женщинами, живущими как в России, так и за рубежом.

Глава 1

Как выжить?

Питер, сентябрь 1996 г.

Она сидела в гостиничном номере и бессмысленно смотрела в пустоту. Одно было для нее очевидно: так дальше жить нельзя.

Оставив своего первого мужа в провинции в начале девяностых годов, Анна и не предполагала, что на нее навалится столько проблем. Проживание в тесной питерской коммуналке, где за тонкой стенкой можно было слышать все подробности человеческой жизни, брань алкашей, а вечерами громко работающий телевизор – «all inklusiv».

Но и это было еще не все. Анна не знала, что в государственных учреждениях начнут задерживать зарплату, а выдача алиментов на сына будет так умопомрачительно строго отслеживаться ее бывшим мужем – не дай бог лишнего заплатит! Во время задержки зарплаты задерживались и алименты на сына, назначенные судом. Как жить? Если занимать деньги, то при инфляции девяностых они уже через день обесценивались...

Но Анна не падала духом. На выручку ей приходили советская смекалка и чувство экономии. Советский образ жизни, получивший трещину в своем огромном здании, разваливался по частям болезненно долго, и этот процесс невозможно было удержать. Но хорошее старое все еще поддерживало фундамент прогнившей и разрушающейся системы.

Да и сын у нее был ангелом: никаких сцен или просьб купить игрушку, никаких истерик. Саша спрашивал так, как спрашивают только любящие и заботливые близкие люди: «Мам, а у тебя есть деньги купить мне ту машинку, которую мы сегодня видели в «Детском мире?» Конечно, приходилось выкручиваться с ответом: не «до следующей зарплаты» – таких понятий уже не было – а «до реальной выдачи денег». Потому что советские и вновь образующиеся, уже российские, банки делали на нас и наших детях свои деньги.

Когда отец забирал Сашу к себе домой, в Архангельскую область, Анна пыталась успевать работать в нескольких местах – чтобы поправить свое экономическое положение.

В комитете природы на улице Желябова, где она трудилась, уже месяц не выдавали зарплату, и все в кабинете сидели понурые, совершенно деморализованные. В это же время в стране зарождался и рос со скоростью сорняковой травы на плодородной почве частный бизнес. И отчаянная, смелая Анна сказала себе: «Сколько еще ждать, пока кто-то придет и поможет? Надо действовать!» И... ушла в частную фирму, где из ничего создавали что-то. Видео. Фильмы. Политические сюжеты. Разную шуштуру, репортажи на срезе времен, – лишь бы платили бабки. И их платили. Как это ни прискорбно, эта бездуховщина отражает в себе, как в зеркале, наполненность новой эпохи – девяностых годов двадцатого века. Путч 1991 года и баррикады перед горсоветом на Исаакиевской площади. Очереди в сберкассы за деньгами и в магазины за дешевыми продуктами. Первые частные ларьки на Сенной. Бедный и жалкий вид наших пенсионеров, всю жизнь проработавших на родную державу и оставшихся в это время перемен ни с чем.

К счастью в провинцию, в глухие российские деревни, подобные перемены приходят не сразу, а спустя время. Но если они приходят, то уже окончательно и бесповоротно, и тогда трещит и разлетается на куски сам фундамент...

Помимо частной фирмы, Анна работала в Доме радио журналистом одной из программ, которую днем монтировали, а вечером вели в прямом эфире перманентно пьяные журналисты. Они постоянно приглашали Анну в буфет, где сидели до последнего, пока не сваливались под стол. Но ей было не до буфетов. После многочисленных интервью, обзора культурной жизни

города Аня монтировала с оператором свои материалы и мчалась по улицам Питера забирать сына из садика.

Ее тело не знало покоя. Ее душа жила в напряжении. Она часто меняла работу или трудилась сразу в нескольких местах, как это делали многие одинокие женщины, те, кто вынужден был самостоятельно кормить и обеспечивать своих детей. За шесть лет в Питере Анна успела поработать не только в частной фирме и на радио, но и в информационном агентстве «Интерфакс», в горсовете, в Законодательном собрании на Исаакиевской.

Для журналиста Законодательное собрание это не только океан информации. Работа в центре этой пульсирующей артерии власти – это еще и огромная, ни с чем несравнимая школа жизни. Особенно для молодой, привлекательной женщины! Ты видишь власть в ее неприкрашенном виде и утрачиваешь иллюзии.

У многих из тех, кто в нашей стране дорывался до власти, был синдром вседозволенности. В советское время эти злоупотребления были не просто нормой, а стилем хорошей жизни. На Западе власть имущие из-за таких проблем, отвечая требованиям своих избирателей и приняв вину на себя, часто уходят в отставку. У нас же страна богатая. На всё. И на холопство, и на откровенное барство.

В один из летних рабочих дней в здании областного совета к Анне подошел первый помощник губернатора Бердюкова. С особой вежливостью он сообщил, что губернатор хотел бы поговорить с ней и дать интервью. Анна была удивлена и обрадована, думая лишь о творчестве и карьере. Как выяснилось позднее, уже не «товарищ» (старая коммунистическая школа), но еще и не «господин» (наклеивались новые титулы) Бердюков рассчитывал совсем на другое...

Дошло это до Анны лишь тогда, когда ее пригласили в приемную губернатора, и первый помощник пропел ей с улыбочкой в ухо, что Владислав Григорьевич уже ждет. После короткого разговора, мало похожего на интервью (зря тяжелый советский диктофон тащила!), губернатор пригласил ее на обед. Естественно, без первого помощника. Конечно, старая партийная школа и «моральная устойчивость» власть имущих формировали и стиль поведения, и определенные манеры. От этого никуда не деться. Харизматичный щедрый человек, милая беседа... Но когда время подошло к вечеру, из уст губернатора прозвучал вопрос, не требующий ответа: «Ну что, красавица моя, поехали?»

Ответить отказом, закричать, возмутиться – значит потерять работу. Анна поняла, что попала в ловушку. Она находилась в полном распоряжении этого вальяжного, властного человека, для которого нормальным было иметь загородный коттедж для особых встреч с приставленной к нему государственной секретной охраной (!) и кучей прислуги. А те могли и баньку натопить к его приезду, и свежее бельишко постелить, как в гостинице, если вдруг ему захочется провести время с очередной любовницей. Все делалось по сигналу. По звонку. Анонимно. Он же губернатор! Разве такому можно отказать? Работу терять не хотел никто.

Но если во Франции восемнадцатого века мэтрессу или любовницу в благодарность одаривали домом или содержанием, то для партийных работников советского разлива было нормой брать лучшее, в том числе и красивых женщин, и использовать их по своему усмотрению. А после – не благодарить. И не спрашивать: «Что я могу для тебя сделать?» Брать, пока они имеют власть, брать, сколько успеют и смогут унести.

И когда у Анны на горизонте появился надоедливый депутат Олег Самсонов из областного совета, она даже не знала, как реагировать и что отвечать на его знаки внимания. Наученная опытом общения с властью имущими и вынужденная соблюдать осторожность, Анна теперь разделяла работу и личное и не подпускала к себе всемогущих рыцарей. Но свежий кавалер ходил за ней по пятам, как тень. «Наверняка ведь женатый, – думала Анна. – И что ему надо?»

Она вспомнила, как Самсонов не давал ей прохода, бродил за ней, как замороженный, а в перерывах заседания Законодательного собрания даже провожал ее в женский туалет. Анне

казалось, что все правительство области знает об этом. Самсонов названивал ей по телефону, умолял поговорить, просил понять, что он ни жить, ни спать без нее не может, даже, бедный, потерял аппетит!

Конечно, как и предполагалось, Самсонов был женат. Но, стоя перед Аней на коленях, Олег дал обещание, что они будут вместе во что бы то ни стало. Настолько сильна его любовь... И Анна не выдержала, смягчилась, поддалась словам и обаянию этого человека...

Глава 2

Что предпринять?

Гостиничный номер, в котором находилась Анна, принадлежал Самсонову. Каждый депутат областного совета имел право на отдельные апартаменты. Свои, просторные, с высокими потолками, Олег с удовольствием превратил в место свиданий, и Анну это вполне устраивало. Она приходила сюда отдохнуть от коммунального стресса, а иногда и поработать в тишине.

Их связь продолжалось уже полгода. Несколько раз Анна порывалась уйти, но в результате все равно оставалась с Олегом. Наверное, его спокойный и веселый нрав уравновешивал Анин взрывной и импульсивный, своим легким отношением к жизни Самсонов успокаивал ее мятущуюся душу. Но и только...

Анна вздохнула, подошла к гостиничному окну и отодвинула светло-серые, цвета питерского неба, шторы. Окна номера выходили во двор-колодец, сдавленный со всех сторон домами, мрачный и беспросветный.

«Как моя жизнь... – подумала Аня. – Все эти бессмысленные, пустые метания между коммуналкой, посредственным любовником и вечными поисками работы – участь мелкой рыбешки в аквариуме...» При этом она совершенно не ощущала себя как рыба в воде. Ей хотелось изменений, движения к чему-то большему, пусть даже это будет связано с риском.

«Главное не топтаться на месте», – думала Анна. Надо что-то предпринять. Что-то... Но что?

Внезапно ее осенила мысль: газеты... Там масса нужных объявлений...

На следующий день Анна купила пачку газет и в гостиничном номере, выпив чай, стала подробно просматривать объявления. Парочку интересных обнаружила. При этом чувствовала, что вошла в азарт, и чем непонятнее был смысл предложенного, тем больше это ее интриговало.

Из Законодательного собрания Ленобласти позвонил Самсонов – он уже во второй раз избирался в депутаты по своему округу. Анна выслушала его любовные объяснения и «окончательное решение», что от жены он не уйдет, потому как «она такого не переживет». Анна чувствовала: новая, двойная, роль любовника и мужа доставляет Самсонову наслаждение, и в этом для нее было что-то противное. Олег сказал, что еще на парочку часов задержится, и добавил, что о-о-о-чень ее хочет и чтобы она его, разумеется, ждала.

Отгоняя грустные мысли, Анна продолжала исследовать газеты дальше. Одно из объявлений заинтересовало ее, и она решила сразу позвонить.

В телефоне звучал довольно приятный женский голос, да и предложение казалось на удивление перспективным. Условились о встрече здесь, в номере, чтобы все спокойно обсудить, разумеется, без свидетелей – лишний раз оправдываться перед Самсоновым Анне было ни к чему. В конце концов, менять он ничего не собирался, лишь с удовольствием проводил с ней время, что не мешало ему потребовать очистить номер, если вдруг в город приезжала жена. Тут уж он не церемонился.

Аня чувствовала, что спонтанно придуманный план должен удался. Странное ощущение правильности действий и подстегивало ее, и успокаивало одновременно.

Встреча с Тамарой (так звали посредницу из газеты) состоялась ровно в шесть часов вечера. Плотная, невысокого роста женщина лет тридцати пяти, по виду провинциалка (как потом выяснилось, родом из Челябинска), крепкой, тяжелой походкой вошла в комнату. Поступи этой соответствовала и деловитость: Тамара знала, чего хотела. Подбирая подходящий для Европы живой русский товар, она зарабатывала в среднем сто долларов в день...

– Ух, ты! – у Анны перехватило дыхание...

– Я и не представляю, как можно жить на другие деньги! – парировала дородная женщина.

Позднее, когда Аня увидела напичканную дорогими вещами, увешанную и устланную коврами квартиру Тамары, ей захотелось смеяться и плакать одновременно. После обнаженной десятиметровки в питерской коммуналке это бесстыдное изобилие поражало.

Посредница угадала Анины мысли:

– Я обязана принимать своих гостей, как в Европе.

«Своих гостей или свой товар?» – чуть не засмеялась Аня. Она чувствовала – здесь ей душно, это не ее мир. Но нужно было во что бы то ни стало изменить жизнь, и она промолчала.

Тем более, что таким товаром была теперь и сама Анна.

Вернувшись в гостиничный номер, она с грустью подумала о сыне – он гостил у родственников в Архангельской области. Что будет с ним? Когда они теперь увидятся? Но прервала себя и стала мысленно продвигаться к реализации своего плана. Чтобы убедить турагентство, занимающееся визами в Германию, что товар-де подходящий, ей необходимы были эротичные фотографии. Она уговорила Самсонова принести фотоаппарат, чтобы сделать пару классных снимков на память.

Ничего не ведающий депутатик с присущей ему коммунистической страстью в делах эротики фотографировал Анну, припевая: «Ну, какая у меня девочка замечательная, а какие формы!» Много одежды ей не потребовалось: светлое белье, телесного цвета колготки и тонкий белый шарф, имитирующий коротенькую юбку. Немного косметики, улыбка на лице – остальное было делом природы. В свои тридцать четыре года Аня выглядела на десять лет моложе и была уверена в успехе дела.

На внезапный, не такой уж наивный вопрос Самсонова: «А для чего тебе нужны фотографии?» – Анна игриво улыбнулась и, чтобы увести разговор в сторону, напомнила Олегу, что у него сегодня заседание в правительстве. Тот со стахановской энергией отпарировал: «Вначале секс! Давай... Давай быстренько... А потом и на заседание! Не для того же я мою девочку фотографировал, чтобы так просто убежать!» И не успела Анна оглянуться, как он уже стоял перед ней без штанов...

Фотографии были готовы через пару дней, отданы провинциалке, и Аня должна была на последние деньги оформить себе загранпаспорт. К счастью, это не составило особого труда: уже через неделю она получила документ.

Автобус в Германию шел из Москвы. У Самсонова было какое-то мероприятие в Думе, и он вызвался проводить Анну на вокзал. Особой тоски на лице Олега не было, но все же депутатик счел своим долгом намекнуть, что она «бросает его на произвол судьбы».

На душе у Ани было пусто и холодно...

Ночь перед отправлением она провела у сестры провинциалки, жившей с семейством на окраине Москвы. Анна не могла уснуть. Ее колотило от волнения, и она просто не выходила из туалета. Наверное, это было психосоматичное расстройство.

Наутро Анна купила «Имодиум» в аптеке и сухари в продуктовом магазине. Это был ее паек на дорогу в неизвестность, в путешествие, которое хоть и приносило ей столько беспокойств, но обещало перемены. А перемены всегда к лучшему, – полагала Анна.

Глава 3

Живой товар

Автобус шел через Белоруссию с пересадкой в Бресте, на границе. После двух дней и ночей в салоне пахло потом, невымытым телом, вонючими, будто никогда не стиранными мужскими носками. К этому примешивался микс из алкоголя, лука, табака и вареных, а скорее, уже тухлых яиц.

Уже к концу первого дня путешествия – еще даже не стемнело – водителям пришлось закрыть туалет, потому что, по их словам, «наши граждане просто не умеют им пользоваться». Уголок задумчивости был забит бумагой, ватой, газетами, а может быть, и тухлыми яйцами.

– Как теперь без параша, а? Хреново? – раздался сиплый голос одного из пьющих с камчатки.

– А так! Будете ждать остановок, – уверенно ответил водитель.

– Ни х... себе! – автоматом отреагировал все тот же сиплый.

Салон автобуса пестрил разнообразием лиц, манер и сословий. Здесь были и немцы, и казахи, и русские из Сибири. Все они ехали проведать своих на новой Родине. Поначалу все были незнакомы и присматривались друг к другу, волнение и напряжение висело в воздухе. Но потом все улеглось, и публика стала потихоньку расслабляться...

Уже через несколько часов слышались смелые голоса, особенно с «Камчатки», где распивали истинную русскую... И шум пустых бутылок стал постоянным спутником всех пассажиров автобуса. Сидящие в хвосте без остановки пили и болтали так, что их громкая речь и привычный мат росли подобно грибам в лесу после хорошего дождя. И чем ближе подъезжал автобус к ухоженной и стильной загранице, тем более выпуклым и уродливым казался контраст пьющих и матерящихся русаков с мелькавшей за окнами картинкой – ухоженными, отштукатуренными зданиями, подстриженной травой, безупречными цветочными клумбами.

Вначале Анна увидела Польшу, в которой было все же больше порядка и чистоты, чем в растрепанной и разорванной властями и распадом Союза родине. А потом – и Германию...

Маленькие, чистенькие, будто с картинки сошедшие домики постепенно становились все богаче и разнообразнее, чем дальше автобус продвигался на Запад. Чистота и красота улиц, фонтанов, цветов пьянила, обещая в уже создаваемых на ходу фантазиях так много необычного и нового – сказочного...

«Наконец-то, – подумала Анна, – после долгого, непреходящего внутреннего напряжения и страха я приближаюсь к долгожданной золотой стране...»

Одновременно с радостью росла и тревога. Ведь, как ни крути, Анна ехала в неизвестность. Еще в Москве она поняла, что ситуация не так благостна, как ее расписывала провинциалка. Вместо Евгении, русской и, как утверждали, весьма симпатичной особы, Анну должен был встречать грек, жених Евгении, Кириякос (как потом выяснилось, один из центральных сутенеров греческой компании). Сама заказчица живого товара в это время находилась на «важном тайминге» в загсе, где заключался фиктивный брак между русской девушкой, работавшей в баре, и ее будущим мужем, живущим в Германии.

Прибытие автобуса ожидала толпа народа. Друзья и родственники сидящих в салоне улыбались и махали им руками. Анне не улыбался никто.

Она огляделась и увидела стоящих неподалеку двух молодых мужчин. Один из них, согласно описанию, и был женихом Евгении: темноволосый, привлекательный, но, как показалось Анне, с холодными стеклянными глазами. Его напарник – невысокий и коренастый – отличался бандитской выправкой и накачанными мускулами.

Анна сама пошла им навстречу (если бы она только знала, куда идет...), затем, подчинясь жестикуляции Кириякоса, села в спортивный Мерседес, по всей видимости, последний писк автомобильной моды и техники. Ее дорожную сумку коренастый грек бесцеремонно бросил в багажник другой машины.

Через центр они поехали к окраине Гамбурга. Заводы, фабрики – огромные промышленные территории. Присмотревшись к работникам в белых халатах и перчатках, Анна поняла, что они заезжают на территорию мясокомбината. Из больших цехов вывозили огромные туши обработанного мяса со штемпелями для отправки в торговлю.

В офисе, куда они приехали, их ожидала еще одна пара молчаливых греков. Кириякос указал Анне на стул, а сам расположился в нескольких шагах от нее. По всей видимости, этот офис был местом получения и передачи товара, а также выяснения всяких формальностей между дельцами.

Почему-то тут не зажигали свет. Никто ничем не занимался. Молчали или приглушенно переговаривались между собой. Иногда перезванивались по сотовому. Анна сидела у окна, и когда ей становилось скучно разглядывать серые стены, она переводила взгляд на уже покрытые желтизной с красным окатом листья деревьев за окном.

В окружении охраны Анна просидела на офисном стуле не меньше часа. Ее отпустили только в туалет, но и туда за ней последовали два грека. Ане было даже смешно: зачем ее охранять? Она здесь все равно ничего и никого не знает. Хорошо, хоть в уборную греки не заходили, а молча стояли в коридоре.

Еще через несколько долгих часов до Кириякоса дошло, что его заложница, наверное, голодна. Он протянул Анне завернутый в фольгу сэндвич. Хуже и суше этого бутерброда она еще ничего не ела в своей жизни. А, может быть, ей просто так казалось. Состояние Анны было непонятным: смешение усталости, транса и напряжения. В то же время она пыталась контролировать, насколько еще позволяли силы, происходящее вокруг.

Наконец, греки о чем-то договорились, и стало понятно: они снова должны ехать. Как потом выяснилось, домой к Евгении и Кириякосу.

Квартира их находилась за городом, в многосемейном доме, с удобным, встроенным гаражом в подвале. Выйдя из машины, Анна попыталась что-то спросить у Кириякоса, но тот предупредительным жестом указал ей: «Тихо!» Вероятно, чтобы соседи не заподозрили, что через эту квартиру проходит конвейер по продаже иностранных девушек.

Кириякос потребовал у Анны паспорт. Она показала ему документ, но грек ловко выхватил его из рук, сказав на искалеченном английском, что паспорту лучше быть у него, тем более, Анна еще не отдала деньги за билет. Щелкнув замком, он запер паспорт в ящике секретера.

Вечером появилась Евгения со своей подопечной – новоиспеченной женой, девушкой двадцати двух лет, разумеется, без мужа – ведь брак был лишь фикцией. Заказали по телефону еду из греческого ресторана, отметили заодно удачную сделку в загсе и приезд новенькой.

Уже ночью снова поехали – греки впереди, Анна и Беттина, так звали вышедшую замуж девушку, на заднем сиденье. Их везли в северную Вестфалию. Здесь, в самой большой немецкой земле, располагалась уйма клубов и борделей, куда греческая мафия поставляла девушек для работы.

Ехали около трех или четырех часов. Все это время Беттина рассказывала о тонкостях жизни в борделе, о своем «муже», которого впервые увидела в загсе, и еще о всяких мелочах. При всей привлекательности девушки, Анна, как ни старалась, не могла найти следов счастья на ее лице... Наконец, все прибыли в одиноко стоящий на трассе бордель, где баркипером-шефом был невысокого роста, с бегающими глазками моложавый турок.

В заведениях «красного милье», как называли отрасль, относящуюся к сексу, работала интернациональная публика. Владельцами таких заведений могли быть немец или араб, но весь обслуживающий персонал секс-работниц в девяностые годы состоял только из девушек родом

из восточной Европы – Прибалтики, Польши, Украины и, конечно, необъятной России. Реже встречались представительницы Чехии, Венгрии и Румынии.

Девушки, приехавшие сюда за заработком, ожидали лучшей жизни, чудес, богатства, которыми, по их мнению, был переполнен золотой Запад. То, что они получали на самом деле, было поистине ужасно.

Глава 4

Заманки сутенеров и их тактика

Беттина рассказывала, что на основании брака, который так пропагандировала и расхваливала секс-бизнесфрау Евгения, она может дальше работать, а главное, легально находиться в Германии. «Да! Столько, сколько мне захочется! – добавила девушка с едва заметным блеском в глазах. – Знаешь, главное – это три года выдержать, а потом здесь можно остаться на всю жизнь». Чувствовалось, что Беттина уже считает себя привилегированной по сравнению с новенькими, теми, кто только начинает свою карьеру.

Конечно, за фиктивный брак и его организацию русско-греческая компания устанавливала свою таксу. И таксу эту надо было отрабатывать. Брали в девяностые годы ни много ни мало три с половиной тысячи марок. После введения евро эта сумма, разумеется, удвоилась.

Как выяснилось позднее, «замечательная» возможность жить на Западе на самом деле стоила еще дороже. Девушки, согласившиеся на такого рода заманчивое предложение, со временем не выдерживали давления и зависимости от сутенеров. Страдали они и от однообразной жизни, направленной на удовлетворение похоти клиентов, и от бесконечного зарабатывания денег с целью оплаты фиктивного брака. В этом беге по замкнутому кругу у них оставалось одно – забыться. Больные, разбитые, обозлившиеся на весь мир и на самих себя, многие женщины попросту спивались или садились на иглу, что делало их еще более зависимыми от русско-греческой банды и чертовского круга, из которого они не могли вырваться.

Как правило, именно самым молодым, здоровым и сильным телом девушкам не хватало силы духа остановиться, посмотреть на себя другими глазами и задаться вопросом: «Как я живу? Чем занимаюсь? Зачем мне это?» Они считали, что вся жизнь у них впереди и не думали о последствиях, о том, что этот самый легкий и быстрый бизнес затягивает, затягивает, как жуткое гнилое болото. И погружаться в его темные глубины было куда легче, чем найти в себе силы уйти из этого пульсирующего опасностями промысла.

На наркотики и алкоголь были очень добры предприимчивые греки и русская сутенерша, в прошлом сама работавшая в отрасли древней профессии. Зависимые от допинга, их жертвы все сильнее укореняли стабильность сексуального бизнеса для своих работодателей. В начале девяностых бизнес этот был относительно новым для русских и не требовал особенных знаний, умений или финансовых вложений. Поэтому для таких как Евгения он открывал бесконечную возможность предпринимательства и финансового процветания на дне – так же, как и для множества иностранцев, знавших только пару фраз по-немецки, не желавших учить язык и овладевать легальными специальностями. Такие ленивые, которым ничего не надо, и пополняли нишу криминала.

Накачанные бицепсы, чтобы всыпать в морду непослушным, отсутствие морали – этого было вполне достаточно для организованной преступности девяностых. Тем более что заграничный товар сам шел к ним в руки. Из-за железного, а теперь приоткрытого занавеса в Германию ехали мало чего видевшие в жизни девушки и молодые женщины, у которых работодатели сразу отбирали паспорта. Теперь они были не люди, а заложницы-рабыни, выполнявшие волю и условия бандитов.

Евгения любила повторять, что девушки, работающие на нее, должны быть ей благодарны. «Потому что другие работодатели не спрашивают девушек ни о чем. Они просто сажают их на иглу. Насильно! Я же этого ни с кем не делаю!» При этом Евгения неоднозначно и как-то по-чертовски хитро улыбалась.

Секс-бизнес и девяностые годы шли неразрывно друг с другом. И распад огромного Союза кормил таких евгений и кириякосов, которым никогда не было много, а хотелось все больше и больше...

У сутенеров менялись машины, мобильники, мебель, квартиры, дома... Оплата происходила, как у всех криминальных. На месте. Кеш. Или, как говорят немцы, «бар».

Глава 5

Жизнь в первом борделе

Заведение красного милье хоть и отвечало своему названию, встречая работниц и гостей действительно красными огнями, лампами, создающими уютную и располагающую атмосферу, все же таило в себе массу неизвестного.

В тот вечер, когда привезли Анну, клиентов в борделе было немного. Многие девушки просто сидели и думали о своем или наблюдали за происходящим. Анна осмотрелась: некоторые из них были ее возраста, кое-кто постарше, были и совсем зеленые, которым, похоже, едва восемнадцать стукнуло.

Приятная музыка так и тянула к свободе танца. Анна стала танцевать. К ней присоединилось несколько человек, остальные сидели и ждали клиентов. Чем-то это место напомнило Ане сцену в театре, однако, как потом выяснилось, играть на этой сцене нужно было совсем в других жанре и направлении.

В баре царили свои неписанные правила. Как в армии. Старослужащие девицы, особенно украсившие себя статусом замужних, числились на особом счету. Они всегда были правы, даже если просто качали права. Новенькие же были никем и ничем. Анна этого пока не знала. Как и не знала о том, что лучше в таком заведении сидеть и не высовываться. Молчать. Наблюдать. И пытаться просто зарабатывать деньги.

Условия жизни здесь были далеки от комфортных. Комнат было меньше, чем работающих, спальных мест не хватало. Зачастую девушкам приходилось спать вдвоем на одном брошенном на пол матрасе. Эти стесненные условия даже близко не соответствовали тому, что было обещано при приеме на работу, и Аня решила отстаивать свои права на отдельный матрас. Она даже не предполагала, к чему это приведет...

Между девушками часто возникали трения. От монотонно-изнурительной, подавляющей и бездуховной жизни срывались многие. Не прошло и пары дней, как между Анной и одной старослужащей вспыхнул конфликт. Натравить ее на новенькую было легче легкого. Старая торчала в этих условиях уже не первый год и частенько пребывала в нормально-пьяном виде.

Поводом к конфликту стал пустяк: Анна спросила о чем-то у старой, той не понравилось, а поскольку она была, как всегда, неменяема, а от этого агрессивна, разразился спор. Тут же налетели машущие руками прибалтийки, которые только и ждали, чтоб отомстить Анне за ее независимость и желание жить отдельно. Вслед за ними по доносу на пороге комнаты выстроились сутенеры-боксеры. Увесистые мужики с засученными рукавами как следует всыпали Анне за ее новобранство и проявление индивидуальности...

Анне хватило пары ударов, и она была уже на полу, в истерике, не понимая, за что ее бьют и почему к ней прицепились эти прибалтийские секс-работницы.

Но понимать условия этого милье от нее и не требовалось. Нужно было просто жить по его неписаным правилам. Если, конечно, ты хотела выжить...

Глава 6

Второй бордель

Из первого борделя, где произошел конфликт и где заправлял мило улыбающийся, метр с шапкой, турок, не пропустивший мимо себя ни одну российскую или прибалтийскую молоденькую красотку, Анну перевели в другое заведение.

Второй бордель или, как его здесь называли, «пуф», находился недалеко от важного дорожного перекрестка, идущего к автостраде. Удобное место для клиентов: анонимно, нет никаких заведений, общественных мест поблизости. И никто не догадается, где и как муженек или коллега проводит свободное время.

В пуфе номер два жизнь у Анны текла спокойнее, а может, она поняла кое-что из опыта прошлых дней. Здесь было больше комнат и отдельных кроватей, а не просто в углу брошенных матрацев, как в первом борделе. Однако никакой обособленной жизни все равно не получилось. Поначалу все жили в комнатах по трое или четверо, но вскоре баркиперша Карла, сухая, высокая австрийка, распорядились перенести все кровати в одно большое помещение и поставить их в два ряда. Получилась настоящая солдатская казарма, только в заведении à l'amour. В этих условиях нашей героине предстояло провести еще неизвестное ей количество дней и ночей...

Среди работниц секса особенно выделялись две группы. К первой относились женщины, отчаявшиеся и уставшие от бардака и хаоса, которые творились в экономике и политике бывшего Советского Союза. Они хотели хотя бы таким ремеслом немного заработать и улучшить свое финансовое положение. Некоторые приезжали с подругами, и Анна им слегка завидовала – переносить тяготы вдвоем было намного легче.

Вторую группу представляли хладнокровные, уже завербовавшиеся на золотом Западе молодые девушки. Они не думали о будущем, о последствиях подобной работы и жизни и считали себя особенными, крутыми, ведь им удалось попасть *сюда*... Те из них, кто воспользовался фиктивным браком, все сильнее пропитывались стилем красного милье и соответствующими манерами, вульгарностью представительниц древней профессии. Этот стиль поведения состоял из мутного коктейля надменности, злобы, отчаяния и мести, которые были логичным результатом их прямой зависимости от сутенеров.

Последние же не забывали вести калькуляцию, раздавая своим рабочим лошадам кредиты, очередные заманки и обещания, одновременно затягивая узелок потуже.

Девушки, приехавшие на работу через посредников, вынуждены были делиться своими доходами: половину с суммы заработка забирала баркиперша в счет борделя, большой кусок с оставшейся половины шел в карман сутенерам. Каждой девушке, прибывшей сюда несамостоятельно – а таких было девяносто пять процентов – оставалась лишь четверть всего заработка. Из этой суммы необходимо было не только отработать билет, который ей оплатили вперед сутенеры, но и заработать на поездку обратно – в Россию, Прибалтику, Украину или Молдавию. Кроме этого нужно было жить и поддерживать форму, поэтому расходы на бытовые нужды, аксессуары для работы – нижнее белье, косметику, туфли – были неизбежными.

В пуфе номер два Анна поняла еще одну важную вещь, которую не учитывала раньше: в подобном заведении необходим контроль и самоконтроль. Ни расслабиться, ни кому-то довериться здесь было нельзя – между работницами борделя процветали конкуренция и настоящий шпионаж. Особенно ярко проявляли себя в этом девушки из советской провинции. Самостоятельно мыслить они не умели, а потому, по их же выражению, «задницу лизали» работодателям. Сутенеров по своей наивной русской натуре они почитали благодетелями, почти отцами, которым-де, родненьким, подчиняться надо.

Кроме того, свою роль играл алкоголь. Помимо сопутствующих знакомству с клиентом обязательных трех-четырёх бокалов просекко, многие пили и наедине с собой любимой. На фоне этого росли непредсказуемость поведения, агрессия. И любое неосторожное слово, сказанное товарке в таком состоянии, могло дорого обойтись. Потому приходилось молчать. Даже если молчать уже было невмозготу.

Но трудности твои здесь никого не интересовали – ни баркипершу, ни сутенеров. Их делом было только считать и получать деньги. Для этого они приезжали регулярно. Привозили большой пакет кондомов, собирали от шестерок свежие новости и нужную информацию о тех, кто о себе сам много не говорил, и, получив свой навар, спешили ретироваться.

Прибытие Анны на золотой Запад совпало с расцветом осени, временем года, которое она очень любила – серединой сентября, поэтому, несмотря ни на что, каждый день Аня проводила в надежде на чудо, на удачное будущее и встречу с хорошими, добропорядочными клиентами.

Среди постоянных клиентов борделя были и одинокие мужчины, и женатые, но неудовлетворенные своей семейной жизнью. Как правило, они относились к девушкам с симпатией, почтением и дружелюбием. Конечно, не все, но большая часть, особенно коренные немцы. Девушки, не ощущавшие в чужой стране тепла и понимания, ценили доброе отношение и платили клиентам той же монетой внимания, прикладывая к этому все свои таланты и возможности. Между некоторыми обитательницами и посетителями борделя иногда складывались действительно дружеские отношения.

Анне везло с клиентами. Некоторые из симпатии к русской добавляли ей чаевые. Наученная жизнью Анна этого, конечно, не афишировала. Но однажды прокололась. Когда в бордель пришел владелец ателье по пошиву зимней одежды и предложил модели на продажу, Анна, собрав все сбережения, купила себе теплую куртку. Однако радость ее по поводу покупки была недолгой, – услужливые бабенки из числа пресловутых шестерок не дремали. Анна оглянуться не успела, как они тут же по телефону донесли горячую новость Евгении. Русская сутенерша потребовала Анну к телефону, отчитала и распорядилась, чтобы ей не выдавали каждодневной четверти заработка, – надо, мол, сперва за билет расплатиться. Ей и дела не было до того, что на улице стояли непривычные для Германии морозы, и Аня мерзла в своем единственном плаще.

Шестерки сидели тут же, как преданные собаки, высунув языки. Они ощущали важность сделанного и были удовлетворены результатом.

Глава 7

Береги честь смолоду

В этом бизнесе девушки нередко использовали псевдонимы. Так поступила и Изабель. Ей было от силы лет двадцать пять. В отличие от шестерок, она вызывала у Анны откровенную жалость и, конечно, человеческую симпатию. Вздорная, молодая, белокурая и симпатичная девушка приехала сюда, наверное, пару месяцев назад. Изабель не была профессионалкой, нет. Похоже, она и не думала об этом. Но по всей видимости, в таком молодом возрасте у нее была неустойчивая психика или отсутствие силы воли.

В трезвом виде Изабель была просто милейшим и добрейшим существом. Но стоило ей с клиентами выпить пару бокалов легкого просекко, как она во что бы то ни стало желала большего – вина, коньяка или чего-то покрепче.

Изабель искала алкоголь везде и повсюду, заказывала таксистам, обслуживающим бордель, хотя на рабочем месте это было запрещено. Если ей отказывали, она не владела собой, и тогда начинался просто кошмар. Изабель орала на тех, с кем еще час назад мирно беседовала, придиралась к любой запятой и, как зверь перед нападением, ждала, чтобы выместить на ком-нибудь злобу, отчаяние и свирепость. Она шла в атаку – вплоть до драки, до крупного скандала.

Горькая ирония судьбы этой девушки состояла в том, что она была землячкой Евгении. Обе – и сутенерша, и ее жертва – происходили из одного и того же богом забытого русского городка, какие в нашей империи презрительно именуют «провинцией».

Надо ли говорить о том, что у землячки-сутенерши не хватило сердца и ума распознать главное: Изабель нуждается в помощи. Ее следовало отправить к врачу, и как можно скорее. Но простая жалость к «своим» была неведома Евгении, и она убрала Изабель в сексвидеошоп, где та должна была отработать.

Подобных низкопробных заведений в Германии было бесчисленное множество, их можно было найти и на трассах, и в заброшенных дешевых районах любого города. Сексвидеошопы посещали клиенты, ищущие быстрого, часто извращенного удовлетворения своим инстинктам. В отличие от посетителей пуфов и борделей, людей с образованием, профессией, положением, клиенты видеошопов относились к низшему классу немецкого общества. Здесь у бедной Изабель уже не было возможности применить улыбку, грацию, small talk. Да и способности к языкам, умение общаться тут никого не трогали. Удовлетворять клиентов в сексвидеошопах было последним и чрезвычайно мерзким занятием.

Пожалуй, судьба Изабель как человека слабохарактерного типична для ее сверстниц, погнавшихся в годы распада великой страны Советов за богатством, роскошью, легкой жизнью любой ценой, не рассчитавших собственных сил и соблазнов реальности и закончивших карьеру в сексбизнесе, удовлетворяя похоть возбужденных стандартной порнухой клиентов.

К сожалению, Анна, да и многие сочувствующие Изабель не могли помочь ей. Здесь каждый, как говорится, был только за себя! Потому что каждого в той или иной мере подстерегала опасность. Особенно тех, кто нестандартно мыслит и пытался, несмотря на почти тюремную жизнь, сохранить свою индивидуальность.

Во втором борделе Анна стала свидетелем показательной сцены между старыми и новыми работницами. Беттина, та самая новоиспеченная жена, ехавшая с Аней в одной машине к месту работы, оказалась на короткое время в этом же баре. Вечером, в один из субботних дней, когда клиентов было в час по чайной ложке, она, потягивая коктейль, сидела за барной стойкой. Алкоголь сделал свое дело, и Беттина стала заводиться. Она бросала ядовитые фразы в ряды девушек, сидящих за столиками у окна. Разумеется, новенькие, которые по возрасту и опыту жизни были мудрее Беттины, понимали происходящее без слов и чувство-

вали, что поддаваться на провокацию нельзя. Неважно, какие гадости при этом несет замужняя.

Анну всегда возмущало хамство крутых. Она попыталась взять новобранок под защиту и тут же попала в водоворот пьяной истерики. Злобные крики, мат, непристойные жесты так противоречили прекрасной внешности Беттины, еще не увядшей красоте и аппетитности девичьего тела, что Анне стало ее жаль. Похоже, Беттина, как и Изабель, лишь искала повод, чтобы выместить свои зло, горечь, неудовлетворенность жизнью в этой тюрьме. Анна попыталась ей что-то сказать, но добрая коллега Мэри одернула:

– Не лезь! Не связывайся с ней. Ты же видишь, она сейчас невменяема!

Анна поняла, что Мэри права. Пресытившись всем, что было в этих стенах, не найдя радости в новой жизни, Беттина просто мстила себе и другим за то, что привилегии свои она оплатила самым дорогим – лишением собственного выбора в жизни, своей свободой.

Глава 8

Клиенты и традиции

Как уже упоминалось, большинство персонала в немецких борделях составляли восточно-европейские девушки. Конечно, не все из них были стопроцентными моделями и сказочными красавицами... Но ведь они и попадали сюда не по приглашению салона от кутюр в Париже, а по объявлению об оказании сомнительных услуг. Однако сутенерам везло – девушки, приезжавшие сюда ловить синюю птицу счастья, были, как правило, хороши до чрезвычайности. Так что криминальный бизнес, зародившийся в 1989 году (объединение Германии) и расцветший пышным цветом в девяностые годы XX века, наводнил Германию восточно-европейским шармом. Как признавались сами западные мужчины, они не видели доселе столько привлекательности, красоты, элегантности и женственности. На базе экономических проблем бывшего Союза заключались сделки организованной преступности.

У некоторых представительниц нашей необъятной Родины на лице был несмыслимый отпечаток наивности и любви к ближнему. Они полагали, что-де их преданное, теплое отношение к клиентам находится в прямом соотношении с финансовой обеспеченностью. Никуда дальше своей деревни не выезжая, они думали, что тут – ляпота, Европа... – и совсем не понимали или не желали понять, что на самом деле это еще далеко не Европа и уж совсем не свободная жизнь.

Кроме того, девушкам явно не доставало знаний о менталитете западных мужчин. Сутенеры не проводили вводных лекций, а бросали живой товар напрямиком в холодную воду.

Как и многие, Анна не сразу поняла, что западные люди, в частности немцы, хорошо осознали, где они находятся и что делают. Посещение борделя для них – это покупка тех же услуг, которые предлагаются в других отраслях экономики. Так же, как водитель «Мерседеса» покупает услуги техника, обслуживающего его машину, западный мужчина идет в бордель или пуб, желая побаловать свое тело, реже душу, женскими соблазнами. Тратя на это деньги, немецкий клиент ожидает услуг, за которые он заплатил.

На пути девушек встречались, конечно, и романтики, ищущие возможность купить любовь. Но более трезвые и циничные умы скорее принимали тут отвлекающий от бытовых проблем, расслабляющий душ. О почти рабских условиях жизни девушек они и слышать не хотели, поэтому до обсуждения этих тем с клиентом (да еще при плохом владении немецким) почти никогда не доходило. Каждый получал здесь только то или примерно то, за чем приходил.

Но чем была бы наша жизнь, если бы в ней не было исключений? Исключения были и здесь – как радостные, так и неприятные.

Радостными исключениями были щедрые, добрые и более-менее образованные, культурные клиенты. Они многое понимали интуитивно, не говоря лишних слов и не задавая вопросов.

Неприятными – скряги. Педантичные, навязчивые, они заранее расписывали свой сценарий и заставляли его придерживаться, как бы он ни был противен. Таких приходилось с трудом выносить, но ничего не попишешь... Клиент – всегда клиент, и он ждет внимания и услуг, за которые заплатил.

Однако самыми нежеланными гостями в борделе были не скуповатые немцы или голландцы, не придирчивые англичане, нет. Самыми противными, наглыми и беспардонными в поведении с девушками были так называемые «русские немцы» или, на местном наречии, «аузидлеры» – переселенцы. Они не относились ни к нашим, русским, ни к немцам, потому что немцы их за своих тоже не считали.

С какой же страстью, ненавистью и презрением отыгрывались они на наших девушках! Тут было все: и пренебрежение к такой вот проститутке, и желание получить не только то, за что заплатил, но еще и сверх того. Почему? Да потому что ему так хочется, без всяких объяснений. Даже баркиперше Карле от этих гостей, которые и впрямь «хуже татарина», было очень сложно избавиться.

Такой наглый и необузданный клиент, полурусский—полунемец, попался однажды и Анне. Обрадовавшись вначале родной душе, она не знала потом, как от этой души избавиться. Как и положено русскому, он с лихвой наобщался, наговорился с девушкой, а потом стал требовать эротических услуг как положено. При этом оплаченное им время уже прошло, о чем Анна ему намекнула. Что тут началось! Лихой аузидлер стал обзывать, применять силу, и дело могло бы кончиться непредсказуемо, не позови Аня на помощь. Но и после этого брань гостя не унималась, и весь бордель просто сотрясался от его криков. Баркиперше с большим трудом удалось выставить орущего гостя за дверь, пригрозив ему вызовом полиции «за нарушение правил поведения и отсутствие этических норм». В этой ситуации коллеги по работе, как настоящие инженеры человеческих душ, откровенно сочувствовали Ане и успокаивали ее.

Намного легче девушкам было общаться с цивилизованной, пусть и иной по менталитету, публикой расчетливых немцев, поведение которых можно было хоть чуть-чуть предугадать, просчитать. В этом тихом месте северной Вестфалии, на перекрестке двух важных автомагистралей, таких было большинство.

Разница менталитета положительно сказывалась на общении немцев-клиентов и русских девушек. В этом симбиозе всегда можно было друг у друга чему-то поучиться, что, разумеется, дополняло и обогащало обе культуры. Как ни смешно это звучит в связи с тем местом, где происходило взаимодействие двух культур, но так оно и было.

При всей своей врожденной (а после Второй мировой войны вошедшей в воспитание нации) осторожности и расчетливости, немецких клиентов привлекала в русских девушках «волшебная, необъятная душа», – так они любили говорить. Русские для них в самом деле были другими. Что-то они слышали о них от своих предков, что-то знали из истории, реже из литературы. С приездом в страну аузидлеров немцы стали присматриваться к русским как бы заново. А тут тебе еще и русские женщины... Другой мир, другой уровень и столько нового! На фоне этой разницы и ее очарования нередко завязывались постоянные отношения между клиентами и работницами борделя, что вносило особую прелесть и нечто домашнее, родное в жизнь девушек. В чужой стране и недобрых стенах это как-то согревало их истерзанные неизвестностью и вечными страхами души.

Глава 9

Профи и начинающие. Кое-что о секс-бизнесе

Как уже успела узнать Анна, абсолютное большинство девушек (девятью пятью процентами) прибывали в Германию через посредников и работали на сутенеров, распределявших их по разным барам страны. И лишь менее десяти процентов эмигранток работали только на себя, располагая половиной заработанной суммы (вторая половина причиталась борделю). Эти «свободные и независимые» были почти профи. Почти. От профессиональных проституток, работавших из любви к искусству, их отличало то, что древним ремеслом они занялись по нужде в непредсказуемо-нестабильные девятые.

Разумеется, у таких дам накопление шло в два раза быстрее, чем у закабаленных сутенерами, да и чувствовали они себя намного свободнее и раскованнее. Во многом потому, что документы у них никто не отбирал, и при наличии денег они могли свободно гулять по стране, не опасаясь проблем, связанных с паспортной проверкой. Кроме того, живя без рабского груза зависимости, профи были уверены, что доносить и шестерить на них никто не будет. А посему оглядываться или ожидать опасности тоже излишне. Им было плевать, нравятся они кому-то из девиц или нет, надо ли с кем-то соперничать. Профи ощущали себя вне конкуренции.

Среди свободных Анна выделяла нескольких персонажей. Одной из них была весьма привлекательная тридцатипятилетняя литовка. Звали ее Линда. Держалась она обособленно, ни с кем не общалась, просто зарабатывала деньги и делала это, надо сказать, виртуозно. Даже в пустые дни, когда, к примеру, по телевидению или на стадионе шел футбол, или в дни праздников, когда клиентов можно было по пальцам пересчитать, Линда умудрялась выловить большую или маленькую рыбку.

Отношения с баркипершей у Линды были почти что родственными, ей даже было позволено регулярно звонить домой из телефона-автомата, стоявшего в баре. Линда наслаждалась особым статусом и вела себя как кошка, гуляющая сама по себе, а точнее, как волчица, не упускающая свою добычу даже в, казалось бы, пустом лесу.

Помощи в том, чтобы заработать побольше денег (а, может быть, и о чем-то еще) Линда просила только у Бога. Анна замечала, как иногда она тихонько молится в углу. Трудно сказать, кто помогал этой особе больше – Бог или черт, – но так или иначе, дела у нее шли хорошо.

Другая молодая и независимая дама двадцати восьми лет – Диана – уже успела сходить замуж за одного своего клиента, немца, «почти миллионера». Он был намного старше ее, импотент, и души в ней не чаял. Но поскольку где-то просчитался, не заплатил налогов и сидел за это в тюрьме, его супруга, оставшаяся без мужа и доходов, считала вполне нормальным приезжать пару раз в год в бордель, чтобы набить кошелек поплотнее. Жить широко она любила, кроме того, уже и привыкла.

Рост Дианы, совершенно нестандартный, под два метра, как рост модели на подиуме, бросался в глаза всем клиентам. Не успев вернуться с одного свидания, едва присев и глубоко вздохнув, она уже чувствовала на себя взгляды следующего обожателя. Тогда Диана лениво поднимала свое длинное тело и неторопливо, как жирафа, шла к барной стойке, чтобы поприветствовать клиента и выпить с ним бокальчик просекко.

Видимо, из-за экзотичной оригинальности и роста Диана пользовалась бешеной популярностью у маленьких мужчин, и каждый день полулениво-полуизбалованно собирала сыпавшиеся на нее денюжки. Она не скрывала надменности и преимуществ перед другими девушками и общалась исключительно с теми, кто смотрел ей в рот, во всем поддерживая и потакая.

Немецкий муж, знавший о ее пребывании здесь (по всей видимости, от самой Дианы), присылал из-за решетки пышные букеты цветов жене. «Все же радость, – думала истосковавшая по семейному очагу Анна, – все-таки знаки внимания...»

Но самой яркой из свободных дам, работавшей, правда, под четким руководством своего сутенера и друга-любовника, была голубоглазая и белокурая, сочная, фигуристая западная украинка по прозвищу Мерилин Монро. По-русски она говорила с сильным акцентом (точнее, с говором), а одеваться любила броско, чаще всего в наряды подчеркивающие свежесть ее лица, яркого, сексапильного красного цвета. Таким же огненно-алым она очерчивала свои чувственные, пышные, просто созданные для любви и обожания губы.

Мерилин, – а попросту Марайка, – была так естественна, эротична и при этом наивно-непосредственна, смеялась так звонко и легко, что складывалось впечатление, будто ничего другого она в своей жизни не делала, как только сводила мужчин с ума, занималась сексом, наслаждалась, в общем, жила в свое удовольствие! То, что она зарабатывала этим деньги, было как бы между прочим, сродни побочному явлению.

Марайка-Мерилин была той уникальной, неповторимой звездой секс-бизнеса, у которых на лице написана сила соблазна и харизма чувственности, урожденной богиней эротики. Всегда выделяясь среди других работниц, Марайка вызывала их вечное осуждение, зависть и шушуканье за спиной. При этом она вела себя так, как будто это ее просто не касается. Мерилин знала, что делает, и знала, что делает свое дело хорошо.

Анну восхищала умопомрачительная легкость этой украинской красуні. Вот чего не хватало здесь многим, чтобы пережить зависимость и бытовую неустроенность! Марайка была особой, яркой жемчужинкой в этом смешанном, сумбурном, иногда безвкусном ожерелье из женщин, волею судьбы оказавшихся под одной крышей.

Интересно, что в Австрии представительниц древней профессии называют секс-работницами, а в службе занятости Германии эти услуги занесены в алфавитный каталог. Закон относится к ним так же, как к услугам парикмахерши или посудомойки. Для нашего менталитета подобное чуждо, однако в этом и заключается эффект притяжения другой страны: непохожими ни на что стилем, правилами, устоями.

Глава 10

Птица свободы

К каждому дню, наступавшему вслед за ночью и неизвестностью, Анна относилась совершенно благоговейно и сознательно – с ожиданием чуда, ради которого она, собственно, сюда и приехала. А именно – чтобы в корне изменить свою жизнь.

На помощь ей приходила молитва всех молитв, написанная рукой любимой подруги. Каждый день она брала ее с собой на работу в бар, тем самым усиливая собственную веру в успех и чудо. Сложенный вчетверо листок с молитвой лежал в небольшой косметичке – в ней было все необходимое для свидания с клиентом: небольшая расческа, кондомы, помада и пудра плюс пара немецких фраз на бумажке и словарик, который она читала при слабом свете красных настольных ламп бара. Возможность подразмять немецкий она использовала всегда, особенно, когда было немного клиентов и делать было нечего. Чем больше знаешь, тем тверже твой успех! – в этом Анна была уверена на все сто.

С молитвы же она начинала и заканчивала свой день, старательно прочитывая длинный текст, состоящий из таких сильных, таких нужных ей сейчас строк. Вот эта молитва, Псалом девяносто.

Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словеси мятежна. Плещма Своима осенит тя и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его. Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни. От вещи, во тме преходящия, от сряща и беса полуденнаго. Падет от страны твоея тысяща, и тма одесную тебе; к тебе же не приближится. обаче очима твоима смотриши и воздаяние грешников узриши. яко Ты, Господи, упование мое. Вышняго положил еси прибежище Твое. Не приидет к тебе зло. и рана не приблизится телеси твоему. яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохрани ти тя во всех путех твоих. на руках возьмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. яко на Мя упова и избавлю и: покрью и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его. Долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое.

Анна сидела у барной стойки. Снова и снова внимательно перечитывала благоговейные строчки из Псалма. Гостей не было, поэтому девушки пользовались свободой передвижения в границах дозволенного. К Анне подошла белокурая Изабель. В ответ на ее бесцеремонное: «Что это у тебя?» – Аня закрыла листок рукой. Изабель не унималась: «Ну че, тебе жалко, что ли? Покажи!» Аня, с симпатией относившаяся к Изабель, развернула листок. Взглянув, та философски-почтительно кивнула головой: «Ага. Ясно, ясно». И как будто узнав об Анне что-то особенное, оставила ее в покое.

Чтение молитв вошло в привычку и стало потребностью девушки. Это помогало переживать ей трудные моменты и непредсказуемые ситуации.

За окном стоял октябрь. В эти дни было довольно холодно и неуютно, потому девушки не каждый день выбирались за покупками. Как правило, ездили группами по несколько человек, чтобы платить за такси в складчину. В основном – в супермаркет за продуктами и ближайšie лавки за необходимыми товарами галантереи, гигиены.

Однажды, возвращаясь с такого совместного тура, девушки заметили, что их такси пре- следует полицейская машина. Что тут началось!

– Что будет, если нас остановят?

– А если потребуют паспорта с визой? У нас ведь ничего нет...

– Господи, что же делать?

Голоса в машине становились все громче, все неувереннее. Бесправное положение и отсутствие документов на случай полицейской проверки повергало девушек в состояние истерики.

К счастью, на этот раз все обошлось. Полицейские еще немного посидели на хвосте у машины, потом, на повороте к бару, остановились. Видно было, как они тяжелым взглядом провожают такси.

Страх и сердцебиение не покидали девушек до тех пор, пока они не возвратились в свою обитель. Но и тут, уже успокоившись, они продолжали повторять: «Представляете, а что, если?..»

Однажды, в субботний день, задержавшись в магазине, Анна решила немного пройтись пешком, а потом поймать частника. Она забыла, что Германия – не Россия, и частника здесь остановить почти невозможно. Это все равно что ловить российскую щуку в немецких мелких водоемах.

Быстро шагая по обочине магистрали, она голосовала, но так и не смогла поймать машину. Как назло, по дороге не ехало ни одного таксиста.

Анна стала нервничать. В субботу работа начиналась в пятнадцать часов, ей нужно было приехать, переодеться и быть на месте без опозданий. Уже потеряв надежду, она вдруг увидела у обочины дороги скромный дом. Позвонила. Иностранцы – судя по языку, югославы – впустили ее в дом, с любопытством разглядывая непрошеную гостью. На смешанном русско-немецком она попросила вызвать ей такси и, показывая на часы, сказала, что это нужно срочно.

Десять минут ожидания превратились для девушки в полосу отчаянного, мучительного напряжения. Слушая речь хозяев, она несколько раз уловила слова «паспорт» и «полиция».

Наконец, около дома появилось долгожданное такси, и Анна, поблагодарив иностранцев за гостеприимство, с облегчением села в машину. «Больше никаких прогулок в одиночку в чужой стране», – сказала она себе, загоняя во внутреннюю клетку птицу свободы.

Глава 11

Ангел любви

Среди клиентов борделя бывали порой редкие, особенные люди, которые появлялись здесь нечасто и имели уникальные шарм, обаяние, чуткость. Их визиты были праздником для всех, потому что такие милые люди способны приносить радость всюду, где они появляются.

Одним из таких гостей был Кристиан, молодой мужчина лет тридцати пяти среднего сложения, не слишком высокого роста, с русыми вьющимися волосами. Кристиан был спокойным, обаятельным, опрятным и, самое главное, очень добрым, человечным. Его доброта исходила от него как свет: он излучал тепло и в словах, и в мягких жестах, и в улыбке. Неважно, разговаривал ли он с баркипершей или с девушками, смеялся или был серьезен – там, где был Кристиан, ощущались свет, уют и радость. Кроме того, он обладал какой-то особой чуткостью и благодаря этому умел подарить внимание той девушке, которая нуждалась в нем именно в этот момент.

Кристиана даже трудно было назвать клиентом. В бордель он приходил довольно редко, иногда – просто поговорить, пообщаться с девушками. При этом в комнату на интимное свидание шел далеко не с каждой. Считалось чем-то особенным, даже, пожалуй, честью удостоиться внимания этого молодого человека, не такого, как все.

Однажды, когда Кристиан, как обычно весело общаясь с девушками, с теплой улыбкой повернулся к Анне, она, шутя, спросила, хочет ли он в этот день с кем-то идти наверх (комнаты для интимных встреч располагались на втором этаже, над баром). Кристиан кивнул с согласием, дав Анне понять, что она ему интересна. Анна, еще неопытная, умевшая флиртовать скорее теоретически, особенно если мужчина был ей симпатичен, немного смутилась. И сразу подумала: «Ах, он шутит». Но спустя время Кристиан мягко повторил свой намек, и тут уж нужно было на что-то решаться. Все, кто беседовал с Кристианом, смотрели на Аню не то с завистью, не то с восхищением. Она была в этот день избранницей совершенно особого гостя, всеобщего любимца!

Анна немного волновалась. Она могла лишь предполагать, как он станет вести себя дальше. В баре было немного гостей, поэтому Аня и Кристиан оказались в центре внимания. Под аплодисменты, как на съемках или после спектакля, местная публика провожала двоих на свидание. Но это было еще не все. Встав в центре бара, Кристиан с мягкой улыбкой и добрым, лучистым взглядом перекрестился и уже тогда последовал за Анной.

Публика была в экстазе – не каждый день бордель превращается во дворец романтических свиданий. Клиенты здесь большей частью весьма сухие, деловитые или даже закомплексованные люди, которые просто так свою страсть к романтике не демонстрируют. Но Кристиан был очень искренним человеком. По-настоящему Анна стала это понимать уже после встречи с ним.

То, что она пережила с Кристианом в течение одного часа, было сказкой. Этот ангел во плоти смог перенести ее в какое-то неземное измерение, окунуть в такое море ласки, нежности и трепета перед женским существом, что Аня забыла, где находится. Никогда в своей жизни: ни в замужестве, ни в общении с Самсоновым, да что там говорить, ни до, ни после встречи с Кристианом – она не получала столько внимания, такого количества ласки и нежности, бережного отношения, благоговения и любви.

Этот час был для нее божественен, драгоценен и не сравним ни с чем. Казалось, что время не шло, а летело, и как сквозь сон Анна услышала за дверью голос коллеги, напоминавшей, что время уже истекло и комнату надо освободить. Кристиан тоже был удивлен, что время прошло так быстро. Он попросил девушку дать им еще несколько минут, но Анна, зная местные

законы, стала умолять его понять ситуацию и поблагодарила за встречу. Все еще обвороженная и тронутая его вниманием и чувственностью, она как будто находилась под гипнозом любви, тепла, какой-то ангельской защиты.

Уже позднее, сравнивая многие встречи и думая об этом случае, Анна придет к выводу, что Кристиан и был ангелом, которого ей послали, чтобы дать надежду – поддержать, вселить терпение и веру в лучшее, не дать пасть духом в окружавшей ее далеко не всегда радостной атмосфере. Эта встреча с Кристианом была единственной в ее жизни. Больше в борделе он не появлялся.

Глава 12

Предчувствие счастья. Постоянный гость

Это был самый обыкновенный четверг, ничем не отличавшийся от других дней рабочей недели. И в то же время Анна чувствовала: он будет каким-то особенным. При этом сама не могла объяснить, что с ней происходит. Внутренний подъем, воодушевление и радость наполняли ее с самого утра.

Приводя себя в порядок, Аня надела не совсем подходящую для работы светлую юбку ниже колен, белые на каблуках лодочки и оригинальное телесное боди с глубоким декольте, обрамленным воротником фасона «падающий водопад».

В этих стенах все девушки без исключения предпочитали темные или цветные сексигуалеты, подчеркнуто-короткие, чтобы показать свои ноги, неважно, безупречные или посредственные по форме. Так было принято. Поэтому Аня в длинной юбке сегодня выделялась среди окружающих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.